

Глава 6. Забытый уголок

Эхо последних слов Тан Линя растворилось в гостиной, возможно, прошла всего пара секунд, но для Фань Пэйяна, застывшего на месте, это время показалось вечностью.

Реакция Тан Линя была неправильной.

В тот момент, когда его остановили, в голову Фань Пэйяна хлынули бесчисленные догадки и предположения. Или, возможно, они уже таились там, ожидая подходящего момента, чтобы вырваться наружу. Все эти рациональные, иррациональные, научные, абсурдные, строгие и безумные последствия, которые Фань Пэйян когда-то предполагал, теперь обрушились на него.

Чтобы справиться с этим, Фань Пэйян приложил немалые усилия.

Наконец, он молча повернулся.

Радость, возбуждение, ожидание и страсть, которые раньше светились в его глазах, исчезли, оставив только фигуру Тан Линя, одиноко отражающуюся в его чёрных глазах.

— Ты не знаешь, что я делаю?

Он задал вопрос Тан Линю. В его голосе не было и намёка на бушующий внутри него шторм.

Их взгляды встретились, и Тан Линь вдруг почувствовал лёгкую панику. На мгновение ему показалось, что он совершил ошибку.

Но в конце концов он покачал головой:

— Я правда не понимаю.

Фань Пэйян слегка наклонил голову и прищурился, это была его привычка, когда он анализировал и размышлял.

Он искал изменения в Тан Лине, сравнивая его с прежним Тан Линем, чтобы понять, что именно пошло не так.

Не характер.

Когда Тан Линь очнулся за пределами Комнаты желаний, он, несмотря на растерянность и сомнения, всё же пошутил над его неуклюжей ложью — это был его Тан Линь.

Узнав, что он использовал желание, чтобы вылечить его, искренне обнял и поблагодарил — это был Тан Линь.

Улыбчивый перед другими, но показывающий свою холодную натуру только перед ним — это все ещё был его Тан Линь.

Но прежний Тан Линь не оттолкнул бы его.

Если канцелярская принадлежность не изменила его характер, то единственное возможное объяснение — это память.

— Ты собираешься стоять там до рассвета?

Тан Линь смотрел на него слишком долго, и его глаза уже устали.

Фань Пэйян наконец сделал шаг и направился к нему.

Тан Линь инстинктивно отодвинулся назад, он только что выздоровел и не мог выдержать очередного нападения.

Но на удивление, Фань Пэйян, подойдя вплотную, повернулся и сел обратно напротив него.

— Я спрашиваю, ты отвечаешь.

Тан Линь выпрямился:

— Хорошо.

Фань Пэйян:

— Ты помнишь это место?

Тан Линь:

— Конечно, это твоя вилла, ты купил её только потому, что она близко к нашей компании.

— Нашей компании?

Фань Пэйян слегка повысил тон, ухватившись за ключевой момент.

— Мы же вместе основали компанию, разве нет? Или... — Тан Линь намеренно осмотрел его. — Ты воспользовался моей болезнью и перевёл активы?

Фань Пэйян проигнорировал шутку, лишь неотрывно смотря на него:

— Верно, мы вместе создали компанию, так что ты тоже директор.

— Я даже не знал, что получил повышение. — Тан Линь нахмурился, его голос стал холоднее.
— Фань Пэйян, если ты продолжишь задавать такие каверзные вопросы, я не буду играть.

— Ты всё помнишь?

— Конечно, я все помню. — Тан Линь не понимал, что именно Фань Пэйян пытался доказать. — У меня в мозгу выросла опухоль, но дураком меня это не сделало. Если ты сейчас спросишь меня о финансовом отчёте двухлетней давности, я смогу процитировать его наизусть.

Фань Пэйян:

— Ты лучший финансовый директор.

Тан Линь:

— Объективный факт.

Фань Пэйян:

— Мой финансовый директор.

Тан Линь:

— ...

Логически в этом не было ничего странного, но, когда это говорил Фань Пэйян, это звучало

как-то неправильно.

Была глубокая ночь, лунный свет не проникал внутрь, потому что свет был настолько ярким и ослепляющим, что вызывал головокружение.

На спокойном лице Фань Пэйяна не отражалось никаких эмоций, никто не знал, что его мозг работал на высокой скорости, без остановки анализируя всё с того момента, как Тан Линь остановил его, и до сих пор.

Тан Линь помнил компанию, должность, болезнь, даже то, что они вместе основали бизнес. Так что он не потерял память? Но если он всё помнит, то почему...

— Ты помнишь это место?

Он вдруг снова заговорил.

Тан Линь был озадачен:

— Ты уже задавал этот вопрос.

— Я имею в виду... — Фань Пэйян сделал паузу. — Этот интерьер.

В глазах Тан Линя мелькнуло недоумение:

— Ты уверен, что хочешь именно об этом поговорить?

Фань Пэйян оставался непоколебимым, его настойчивость была очевидна.

— Хорошо.

Тан Линь покорно оглядел гостиную, его взгляд был холодным, как у бездушного убийцы.

— Сколько бы раз я не говорил, я готов повторить: твой вкус ужасен...

Фань Пэйян:

— Я ведь спрашивал твоё мнение, когда мы делали ремонт.

Тан Линь:

— Да, и после того, как я предложил тебе бесчисленные стили — винтажный европейский, американский кантри, новый китайский, средиземноморский и так далее, ты выбрал минималистичный холодный стиль.

Насмешка на секунду развеяла мрачные тучи над Фань Пэйяном и в его голосе слышалась едва уловимая нотка волнения:

— Ты был первым, кто пришёл посмотреть, когда всё было сделано. Ты помнишь, что сказал мне тогда?

Тан Линь долго вспоминал, но так и не смог ничего припомнить:

— Извини, вот этого я не помню.

Фань Пэйян замер, и только у него появилась надежда, как тут же рухнула.

Тогда Тан Линь сказал:

— Фань Пэйян, ты успешно отбил у меня желание жить вместе.

Он не то чтобы старался запомнить, но запомнил, а чрезвычайно внимательный Тан Линь, забыл.

— Но я помню это. — почувствовав подавленность Фань Пэйяна, Тан Линь инстинктивно захотел исправить ситуацию. Подняв голову, он увидел зелёное растение неподалёку. — Это я подарил, оно ещё тогда не цвело.

Это была стрелиция, стоящая перед панорамным окном, уже выросшая высокой и пышной. Над густой листвой возвышались три необычных цветка, ярко-оранжевых с фиолетовым оттенком, похожих на трёх маленьких птиц.

— Ты хорошо за ним ухаживаешь.

Подумав немного, Тан Линь сухо его похвалил.

Фань Пэйян:

— Ты кое-что сказал и когда его принёс.

Тан Линь:

— ...

Фань Пэйян:

— Не помнишь?

Тан Линь:

— Я и не знал, что у тебя такая хорошая память.

Фань Пэйян:

— Это с твоей памятью проблемы.

Тогда Тан Линь сказал:

— Директор Фань, оно гораздо капризнее меня, ты только не убей его.

Он спросил:

— А если оно всё-таки умрёт?

Ответ был:

— Тогда я тебя брошу.

Он не дал Тан Линю бросить его, стрелиция цвела и пахла, но тот, кто подарил её, всё забыл.

Не было нужды продолжать игру в вопрос-ответ, всё и так было очевидно. Тан Линь помнил всё, кроме того, что было связано с их отношениями.

Фань Пэйян не понимал.

У него были и другие лечебные канцелярские принадлежности, такие как [(Иллюзия) Выздоровление] и [(Иллюзия) Хуа То], но он не хотел частичного выздоровления, он хотел полного. Он также не мог полностью доверять Хуа То, потому что даже в практике великого врача встречались неизлечимые болезни, поэтому он в итоге выбрал иллюзорную «Как новенький».

Любая канцелярская принадлежность могла иметь непредвиденные эффекты, и он был к этому готов. Даже если бы все воспоминания Тан Линя откатились до времени до болезни, это было бы объяснимо. Но эта принадлежность подобно хирургическому скальпелю, точно удалила все фрагменты, связанные с их отношениями. Почему?

— Если у тебя больше нет вопросов... — Тан Линь спокойно заговорил. — Можно теперь мне задать один?

Фань Пэйян очнулся и встретился с холодным взглядом Тан Линя:

— Ты хочешь спросить, что не так с твоей памятью?

Тан Линь сказал:

— Ты не стал бы спрашивать меня обо всём этом без причины.

Фань Пэйян усмехнулся, но в глазах не было и следа от неё:

— Не то чтобы была прям проблема, ты просто забыл о наших отношениях.

Тан Линь:

— Каких отношениях?

Фань Пэйян:

— Таких, в которых все мои предыдущие действия абсолютно логичны.

Брови Тан Линя глубоко нахмурились. Он редко так делал, обычно даже самые неприятные или беспокоящие вещи вызывали лишь лёгкое недовольство, но сейчас он не мог сдержаться. То, что сказал Фань Пэйян, было слишком невероятным, он не мог оставаться спокойным.

Если бы кто-то другой прижал его к дивану, а после отказа сказал, что такие вещи абсолютно нормальны, кто бы это ни был, кроме Фань Пэйяна, он заставил бы этого человека пожалеть о знакомстве с ним.

Но это был Фань Пэйян.

Это был человек, с которым не страшно было вместе и умереть, и, более того, несколько часов назад он использовал желание, чтобы подарить ему новую жизнь.

— Доказательства.

Тан Линь глубоко вздохнул, стараясь сохранять спокойствие.

— Ты говоришь, что у нас такие отношения, где доказательства?

Фань Пэйян, не раздумывая, встал и вышел из гостиной.

Когда он вернулся, в его руках было множество вещей — костюм, рубашка, пижама, тапочки, туалетные принадлежности и так далее.

Одежда была размера Тан Линя, тапочки — от его любимого дизайнера, туалетные принадлежности не имели явных признаков принадлежности, но все было в двух экземплярах, что доказывало наличие постоянного или часто останавливающегося гостя в доме Фань Пэйяна.

— Это всё моё.

Тан Линь без вопросов признал это.

— Достаточно?

— Чего?

— Доказательств.

Тан Линь сжал губы, долго молчал, а затем сдался:

— Это только доказывает, что я часто остаюсь здесь. На самом деле, даже до того, как ты купил эту виллу, я часто ночевал в твоём старом доме, потому что твой дома всегда лучше моих.

Фань Пэйян пристально смотрел на него, его взгляд подавлял, и он чётко произнёс каждое слово:

— Тогда какие доказательства тебе нужны?

Тан Линь без колебаний встретил его взгляд:

— Совместные фото, любовные письма, переписка... или, может, видео... — он равнодушно

пожал плечами. — Если они есть конечно.

Фань Пэйян замолчал.

— Ничего нет? — Тан Линь с подозрением прищурился. — Даже если мы были слишком заняты и у нас не было времени на романтику, неужели не осталось ни одной переписки, которая могла бы доказать наши отношения?

Фань Пэйян:

— Обычно мы не переписываемся, если что-то нужно, просто звоним.

Тан Линь:

— Очевидно, у тебя нет привычки записывать разговоры.

Настенные часы тихо щёлкнули, это был легкий механический звук, когда часовая, минутная и секундная стрелки полностью совпали.

Полночь, двенадцать часов.

Тан Линь провёл целую ночь в гостиной с Фань Пэйяном, но так и не добился никакого прорыва.

— Я пойду спать в гостевую комнату.

Он не хотел в первый день после выздоровления не спать всю ночь, к тому же, атмосфера в гостиной становилась невыносимой.

Фань Пэйян тоже встал.

Ничего не сказав, Тан Линь легко нашёл свою привычную гостевую комнату, открыл дверь, и интерьер внутри был всё тем же.

Войдя в комнату, Тан Линь повернулся, чтобы закрыть дверь, но Фань Пэйян шагнул внутрь.

Тан Линь поднял бровь:

— Что это значит?

— Может, если попробуем, ты всё поймёшь.

Фань Пэйян говорил это совершенно естественно.

Тан Линь смотрел на него две секунды, затем поднял руку и решительно вытолкнул его наружу.

— Бам! —

Фань Пэйян стоял перед плотно закрытой деревянной дверью, но не слишком расстроился из-за изгнания.

Это было ожидаемо.

Потеря памяти Тан Линем была неожиданностью.

Когда он впервые узнал о Комнате желаний, он подумал, что это величайшая удача в его жизни.

Оказалось, удача имеет свою цену.

За закрытой дверью Тан Линь лёг на кровать и впервые за этот вечер достал телефон.

Почему он не сделал этого в гостиной? Возможно, подсознательно он немного боялся.

С тех пор как он вернулся из того странного места, он был занят возвращением в Пекин, обследованиями, выпиской и почти не касался телефона. Если он действительно, как сказал Фань Пэйян, потерял часть воспоминаний, то, возможно, его восприятие своего телефона тоже изменилось.

В телефоне Фань Пэйяна не было никаких доказательств.

А в его?

Он выключил верхний свет, включил ночник, и в комнате стало уютней.

Тан Линь разблокировал телефон и начал с приложений для общения, затем смс, звонки, заметки, блокнот.

Действительно, ничего не было, единственное, что можно было подтвердить, — это то, что он

часто звонил Фань Пэйяну.

Альбом с фотографиями Тан Линь оставил на потом.

Он осторожно открыл его, последние фотографии были сделаны в больнице: врачи, медсёстры, газоны, клумбы, Шань Юньсун и он сам.

Даже во время болезни он не забывал делать селфи, Тан Линь даже гордился своим настроением.

Листая дальше, он увидел еще больше больничных снимков, он даже не осознавал, что сделал так много, словно хотел запечатлеть каждую секунду последних мгновений своей жизни.

Ещё дальше, наконец, были времена до болезни, количество фотографий резко сократилось, иногда по два месяца не было ни одного снимка.

Временная шкала ускорила, и, пролистав немного, он добрался до фото четырёхлетней давности.

Палец Тан Линя внезапно остановился, это было селфи.

Сентябрь четыре года назад, время на фото — 23:15.

Фань Пэйян сидел на том самом диване, где он только что сидел, вероятно, спал, а владелец телефона украдкой поцеловал его и нагло сделал совместное фото.

<http://bllate.org/book/14520/1285936>